

— Эй ты, любезнѣйшій, неси сюда дичину,
Охотно у тебя дроздовъ куплю я всѣхъ,
За пару каждую даю тебѣ полтину.
— Накиньте четвертакъ, сіятельнѣйшій графъ,
Вѣдь въ нынѣшнемъ году дроздовъ ужасно мало
И господа берутъ ихъ просто на расхватъ,
И то ужъ дешево прощу я для начала!..
Вельможный господинъ не скупъ, какъ видно, былъ,
Онъ вынулъ кошелекъ и заплатилъ не споря.
Оборвышъ маленькій, надежду потерявъ
Дичину приобрѣсть, себя не помнилъ съ горя.
— Сіятельнѣйшій графъ, — заговорилъ онъ вдругъ,
Смотря на богача съ мольбою и тревогой, —
Хоть одного дрозда вы уступите мнѣ
Для матери больной... Прощу васъ ради Бога.
Богачъ уставился на мальчика въ лорнетъ,
Какъ на какое-то невиданное чудо.
— Дроздовъ, голубчикъ мой, я очень самъ люблю,
Вѣдь это тонкое, изысканное блюдо.
Какъ?! Бабу нищую дичиною кормить!
Вотъ, право, прихоти совсѣмъ не по карману;
Я даже возмущенъ подобнымъ мотовствомъ
И поощрять его, конечно, ужъ не стану.
Больная хочетъ ѣсть — сварить овсянку ей —
Нѣтъ лучше ничего: питательно, здорово,
Особенно когда немножко посолить.
Я ѣлъ овсянку разъ, не прочь отвѣдать снова.
Прошло немного дней и разомъ на погостъ
Три гроба принесли въ послѣднее жилище.
Въ одномъ лежалъ богачъ подъ золотой парчей,
Въ другомъ, некрашеномъ, трупъ столярихи нищей,
И въ третьемъ самый тотъ покоился стрѣлокъ,
Что, продавая дичь, такъ страшно дорожился:
Нечаянно его товарищъ подстрѣлилъ,
Богачъ же костью той пичужки подавился,
Которую отбилъ онъ у больной на дняхъ;
А столяра жена въ чахоткѣ догорѣла...
На небѣ возбужденъ процессъ былъ „о дроздѣ“,
И долго Ангелы судили это дѣло...